

Екатерина Мордвинцева

Садовница для некроманта

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Е45

Е45 **Екатерина Мордвинцева**
Садовница для некроманта / Екатерина Мордвинцева – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-524-00464-2

Что может пойти не так, когда девушка, которая разговаривает с кактусами, устраивается садовницей к молодому некроманту? Абсолютно всё. Начиная с того, что она в первую же ночь нарушает главный запрет, и заканчивая тем, что случайно превращает его бывшую невесту в жабу. А между этими событиями успевает подружиться с оборотнем в кружевном чепце, выучить язык мандрагор и, кажется, влюбиться в хозяина. Дом, где после десяти начинается жизнь, — это ещё цветочки. Ягодки будут потом

ISBN 978-5-524-00464-2

© Lennex Corp, 2026
© Екатерина Мордвинцева, 2026

Екатерина Мордвинцева

Садовница для некроманта

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Садовница для некроманта / Екатерина Мордвинцева. —
М.: Литнет, 2026. — 216 с.

ISBN 978-5-524-00464-2

Что может пойти не так, когда девушка, которая разговаривает скак-тусами, устраивается садовницей к молодому некроманту? Абсолютно всё. Начиная с того, что она в первую же ночь нарушает главный запрет, и заканчивая тем, что случайно превращает его бывшую невесту в жабу. А между этими событиями успевает подружиться с оборотнем в кружевном чепце, выучить язык мандрагор и, кажется, влюбиться в хозяина. Дом, где после десяти начинается жизнь, — это ещё цветочки. Ягодки будут потом.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00464-2

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Я всегда считала, что моя судьба – быть ботаником, но не тем, который открывает новые виды в джунглях Амазонки, а тем, который умеет вовремя полить фикус и не довести его до самоубийства. Диплом, выданный мне с пометкой «выдающаяся способность не убивать даже кактусы», выглядел как комплимент, но на практике означал, что ни один серьёзный питомник, ни одна оранжерея при университете не желали иметь со мной дело.

Слишком я была, по их словам, «нетравматична». Растениям нужен стресс, говорили они. Конкуренция за свет, суровые подрезки, борьба с вредителями. А я... я разговаривала с ними. Я подбирала каждому горшок под цвет листьев. Я ставила классическую музыку для кактусов, потому что в интернете кто-то написал, что Бах улучшает фотосинтез.

В общем, к двадцати четырём годам я имела блестящее образование, гору рекомендательных писем с вежливыми формулировками «усердна, но не амбициозна» и банковский счёт, на котором даже мой кот Тоша (подобранный на помойке, что многое объясняет) смотрел с укоризной.

Работа в цветочном магазине на первом этаже жилого дома была, конечно, опытом, но когда тебе в четвёртый раз говорят: «Девушка, ну зачем вы этой орхидее колыбельную поёте?», начинаешь задумываться о переменах.

Перемена пришла в виде конверта.

Он лежал в моём почтовом ящике в тот день, когда я вернулась с очередного собеседования, где мне отказали с формулировкой «вы слишком... трепетны». Конверт был из плотной сероватой бумаги, запечатан сургучом – настоящим, с оттиском, похожим на перевёрнутый череп, или, может быть, на корень мандрагоры, если смотреть под определённым углом. Я тогда ещё подумала: «Ну вот, реклама

очередного магического салона красоты». В нашем районе такие часто закидывали ящики, хотя магический статус города был скорее символическим – пара лавок с амулетами, гадалка на первом этаже, которая вечно жаловалась на домового, и всё.

Я вскрыла конверт, порезав палец о сургуч (проклятый сургуч! – как я узнала позже, он действительно был проклят, но в самом безобидном смысле: на него чихнул когда-то подмастерье), и достала листок. Бумага была странная – шершавая, пахнувшая сырой землёй и чем-то сладковатым, как старое вино.

«Уважаемая Элизабет!» – начиналось письмо. Дальше шло приглашение на должность главного (и, как уточнялось, единственного) садовника в частной усадьбе, расположенной «вблизи Туманных Пустошей, в границах старых охотничьих угодий». Заманчиво звучало, если честно, только

«Туманные Пустоши» навевали мысли о тоскливых болотах и депрессии.

Зарплата была указана прописью, и я перечитала её трижды, потому что сначала решила, что опечатка. Сумма была такая, что я могла не работать года три, а просто сидеть, поливать фикус и размышлять о смысле жизни. Или купить Тоше домик из натурального дерева, а не картонную коробку из-под пиццы, которую он обожал.

«В обязанности входит: поддержание здоровья садовых культур, восстановление декоративных насаждений, уход за растениями с особыми магическими свойствами (опыт работы с магической флорой приветствуется, но не обязателен – всему обучим на месте). Проживание предоставляется в доме хозяина. Питание за счёт принимающей стороны. Оплата проезда до места назначения производится по прибытии.»

Всё было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я перевернула лист. На обороте мелким, но очень чётким почерком было дописано:

«Важное условие: не выходить из своей комнаты после десяти часов вечера. Нарушение данного пункта влечёт за собой немед-

ленное расторжение договора без сохранения заработной платы и иные последствия, оговорённые в разделе 7, пункт 14а.»

Я нахмурилась. «Иные последствия» звучало как угроза. Может быть, хозяин – эксцентричный старик, который не терпит, когда ему мешают смотреть любимый сериал? Или там настолько запущенный сад, что работать приходится в ночную смену? Или это был тест на дисциплинированность? Я снова посмотрела на сумму. После десяти часов вечера я обычно смотрела обзоры на новые лопатки и читала форумы садоводов, обсуждая, можно ли поливать азалию чаем. Сидеть в комнате? Легко.

Внизу стояла подпись – витиеватая, с завитушками, и дата, которая приходилась на послезавтра. К письму прилагался железнодорожный билет. Один конец. Обратный, видимо, придётся покупать самой, если не сработаемся.

Я тогда позвонила подруге Линде, которая работала в магической канцелярии и разбиралась в этих странных «магических статусах». Линда долго молчала, потом сказала: «Туманные Пустоши – это старая территория. Там раньше обитали высшие некроманты, но сейчас вроде как всё затихло. Если это не шутка, Эли, бери. Такие деньги даже в столице не платят. Только... смотри, если там что-то не так – сразу пиши мне заклинание вызова. Я прилечу на метле, хоть и против правил».

Я завершила её, что справлюсь. Какой же там некромант? Скорее всего, какой-нибудь пожилой аристократ, который купил поместье в глуши и теперь хочет облагородить сад. А странное условие – просто причуда. В конце концов, я могла потерпеть вечернее заточение за такие деньги.

Билет был на завтрашний утренний поезд. У меня оставалось меньше суток, чтобы собраться, передать Тошу Линде (кот, услышав слово «передать», сделал вид, что умирает от чумы), подписать договор и... договор я, честно говоря, прочитала не полностью.

Вот тут-то и кроется моя главная ошибка, которую я готова признать, но без которой этой истории просто бы не существовало. Дого-

вор пришёл с письмом – плотная стопка листов, исписанных тем же мелким почерком. Я пролистала страниц десять, увидела пункты про ответственность сторон, форс-мажор (отдельно выделялись «неконтролируемые выбросы магии», «вторжение нечисти третьей степени» и «самовольное прорастание растений сквозь фундамент»), и решила, что всё это стандартные юридические страшилки для магических владений. Я подписала каждый лист, где стояла пометка «подпись», и в конце поставила размашистую закорючку. Даже не заметила, что чернила в моей ручке закончились, а перо, которым я писала, было приложено к договору и источало странный запах лаванды.

Когда я отправила договор обратно в приложенном конверте (он тоже был из плотной бумаги и, кажется, сам себя запечатал), у меня было смутное ощущение, что я только что продала душу. Но зарплата – та сумма – перевешивала любые мистические подозрения.

Утром я стояла на перроне вокзала с одним чемоданом и рюкзаком, набитым справочниками по декоративному садоводству. Поезд подали на дальнюю платформу, ту, где обычно останавливаются грузовые составы и редкие туристические маршруты в «исторические области». Вагон был старый, но чистый, с бархатными сиденьями и лампами под абажурами.

Кондуктор – мужчина с лицом, похожим на засушенный гриб, – проверил билет, хмыкнул и сказал: «В Пустоши? Одна? Ну-ну. Главное, после заката из купе не выходите».

Я вздрогнула. Опять «после заката». Что за мания?

– Там же нет ничего опасного? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно.

Кондуктор пожал плечами, отчего его форма зашуршала, как осенняя листва.

— Опасного полно, но если вы по приглашению, то, может, и живете. — Он улыбнулся, обнажив щербатые зубы. — Шучу, барышня. Езжайте спокойно.

Я забила в купе, достала книгу «Сорняки и методы их искоренения» и попыталась читать, но строки прыгали перед глазами. За окном мелькали пригороды, потом поля, потом леса, которые постепенно становились всё более мрачными, с низкими тучами и извилистыми тропами. Часа через три я заметила, что деревья начали меняться: стволы делались искривлёнными, кора — неестественно тёмной, а местами на ветвях висели клочья тумана, хотя день стоял солнечный.

Поезд замедлил ход. Станция, на которой мне предстояло выйти, называлась «Туманный узел». Табличка на перроне была выкрашена в чёрный цвет, и буквы на ней слабо светились зеленоватым. Я вышла из вагона — и меня накрыла тишина. Абсолютная, ватная тишина, какую можно услышать только глубоко в горах или в библиотеке после закрытия. Даже шаги мои по перрону звучали приглушённо, словно кто-то накрыл всё одеялом.

Станция представляла собой небольшое здание с заколоченными окнами и покосившейся крышей. Ни касс, ни киосков, ни даже скамейки. Только я, чемодан и туман, который полз с края платформы, словно боялся ступить на бетон.

Я достала письмо и перечитала последние строки: «По прибытии на станцию ожидайте экипаж. Экипаж будет подан автоматически».

Автоматически? Я огляделась. Ни машин, ни карет, ни даже велосипеда.

Туман сгущался. Я начала перебирать в уме варианты: либо я сейчас буду стоять тут до ночи, либо «автоматически» означало, что экипаж приедет сам, без возницы. Второй вариант почему-то казался более вероятным, учитывая общую атмосферу.

Ждать пришлось минут десять, которые тянулись бесконечно. Я уже хотела достать телефон (связи, разумеется, не было) и сделать селфи на память, как из тумана вынырнул экипаж.

Он был чёрным, с блестящими лакированными боками, без единого пятнышка грязи, хотя дорога, ведущая от станции, явно была грунтовой и мокрой. Лошади... лошадей не было. Экипаж двигался сам собой, с лёгким скрипом рессор, и остановился ровно напротив меня, открыв дверцу.

Изнутри пахло кожей и сушёной лавандой – тем же запахом, что и чернила в договоре.

Я замерла. Рациональная часть моего мозга кричала: «Это магия! Настоящая, без скидок! А ну-ка развернулась и пошла обратно в поезд!» Но поезд уже ушёл. Я слышала, как его состав удаляется, затихая вдали, словно последний вздох цивилизации.

– Ладно, – сказала я вслух. – Это работа. За такие деньги можно и в экипаж-призрак сесть.

Я закинула чемодан внутрь, забралась сама, и дверца захлопнулась с мягким, почти ласковым щелчком. Экипаж тронулся, и я увидела в маленьком окошке, как туман смыкается за нами, отрезая путь назад.

Дорога была ухабистой, но экипаж шёл плавно, словно парил над выбоинами. Я сидела, прижимая к груди рюкзак, и смотрела в окно. Пейзаж менялся: сначала чахлые кустарники, потом редкие деревья с голыми ветвями, потом – кладбище. Не шутка. Целое кладбище, которое мы объезжали по широкой дуге. Надгробия торчали из земли кривыми зубами, а между ними вились светящиеся огоньки – то ли светлячки, то ли что-то менее дружелюбное.

Я зажмурилась и принялась вспоминать классификацию почв по механическому составу. Суглинки, супеси, чернозёмы... Это всегда успокаивало. Но на этот раз не помогло. В голове крутилась только одна мысль: «Куда я вляпалась?»

Спустя примерно час (или вечность) экипаж замедлил ход, и я увидела ворота. Они были огромные, кованые, с чугунными столбами, увенчанными фигурами грифонов или, может быть, каких-то других химер. Ворота были распахнуты, и за ними открывалась дорога,

обсаженная старыми дубами, чьи ветви смыкались над головой, создавая тёмный тоннель.

А в конце тоннеля стоял дом.

Я ожидала увидеть мрачный замок с башнями и шпилями, но это был скорее особняк – большой, в три этажа, из тёмного камня, с высокими узкими окнами и покатой черепичной крышей. Он не выглядел заброшенным: стёкла блестели, дымоходы были целы, палисадник перед крыльцом хоть и зарос, но не дико. Просто дом имел... характер. Он словно смотрел на меня множеством окон, оценивая, стоит ли впускать.

Экипаж остановился у самого крыльца. Дверца открылась. Я выбралась наружу, чувствуя, как ноги дрожат (то ли от дороги, то ли от страха).

Чемодан вылетел следом, как будто экипажу не терпелось от меня избавиться. И действительно, стоило мне схватить ручку, как карета бесшумно развернулась и укатила обратно в дубовую аллею, растворившись в тумане.

Я осталась одна перед домом.

– Ну, здравствуй, – сказала я дому. Дом не ответил, но мне показалось, что одно из окон на втором этаже дрогнуло, словно моргнуло.

Я поднялась на крыльцо. Ступени были каменными, с выщербленными краями, но чистыми. Перила – чугунные, узорчатые, холодные. Перед дверью я замялась. Звонить? Стучать? Может, здесь есть какой-то этикет для посетителей некромантических усадеб? Я уже подняла руку, чтобы постучать, как вдруг дверь открылась сама.

Бесшумно, плавно, внутрь потянуло тёплым воздухом, смешанным с запахами... пирогов и формальдегида. Аромат был настолько контрастным, что у меня закружилась голова. С одной стороны – уютная выпечка с корицей, с другой – что-то острое, химическое, напоминающее лабораторию. Или морг. Я старалась не думать о втором варианте.

Порог я переступила с мыслью: «В конце концов, я садовник, а не патологоанатом. Сад, наверное, сзади».

Прихожая оказалась просторной, с высоким потолком, на котором висела люстра из чёрного стекла, похожая на перевёрнутый букет лилий. Пол был выложен каменной плиткой, стены – тёмными деревянными панелями. Слева виднелась лестница наверх, справа – коридор, уходящий вглубь дома. Прямо передо мной, в торце прихожей, стояло массивное зеркало в резной раме, и в нём я увидела своё отражение: бледное, с растрёпанными ветром волосами, в дорожном пальто и с чемоданом, похожим на щенка, которого бросили у чужих дверей.

– Элизабет? – раздался голос откуда-то сверху.

Я подняла голову. На лестнице, опираясь на перила, стоял мужчина. Молодой, на вид около тридцати, с тёмными волосами, зачёсанными назад, и бледной кожей, которая казалась почти фарфоровой. Он был одет в чёрный жилет поверх белой рубашки, без пиджака, с закатанными рукавами, и выглядел так, будто только что оторвался от работы: под глазами залегли тени, на пальцах – чёрные разводы, похожие на сажу или, может быть, на землю.

– Я Джастин, – сказал он, спускаясь вниз. – Хозяин этого... дома. Вы, должно быть, та самая садовница, которая не убивает кактусы.

Я моргнула. Моя репутация, оказывается, шла впереди меня.

– Элизабет, – подтвердила я, и мой голос прозвучал пискляво, что меня ужасно разозлило. Я откашлялась. – Да, это я. Рада познакомиться.

Джастин остановился в паре шагов от меня. Он был выше, чем казалось издалека, и от него пахло землёй, старыми книгами и чем-то едва уловимо-сладким – тем самым формальдегидом, что смешивался с пирогами.

– Прошу прощения за встречу, – сказал он, окинув меня взглядом, в котором, кажется, мелькнуло одобрение. – Обычно я встречаю гостей более... официально, но сегодня проводил эксперимент, и он затянулся. Вы, должно быть, устали с дороги.

– Ничего, – ответила я. – Экипаж был очень... комфортным. Без лошадей. Джастин улыбнулся – уголками губ, быстро и как-то виновато.